

УДК 165.0; 165.12.
DOI:
10.15372/PS20170208

А.Ю. Моисеева

ДЖОН ПЕРРИ О РАСПОЗНАВАНИИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ

Размышляя над процессами распознавания и идентификации в психике, Дж. Перри пришел к выводу, что любое наше знание или убеждение содержит ссылку на некую субъективную перспективу, из которой это знание или убеждение может быть применено на практике. Если предложениям, выражающим пропозициональные установки, приписывать содержание с учетом этой перспективы, то можно легко решить такие старые философские проблемы как проблема нарушения принципа подстановочности и проблема содержательности утверждений тождества. Перри предлагает собственную концепцию содержания, достаточно гибкую, чтобы справиться с поставленной задачей.

Ключевые слова: распознавание, идентификация, пропозициональные установки, рефлексивное содержание, содержательное тождество

A.Yu. Moiseeva

JOHN PERRY ON RECOGNITION AND IDENTIFICATION

Reflecting upon processes of recognition and identification in mind, J. Perry came to the conclusion that everything we know or believe refers to a certain subjective perspective from which this knowledge or belief may be applied in practice. If we impute content to propositional attitudes sentences taking into account this perspective, we can easily solve such old philosophical problems as the problem of violation of the substitutability principle and that of informative identities. Perry offers his own concept of content which is enough flexible to cope with the task.

Keywords: recognition; identification; propositional attitudes; reflexive content informative identity

Философия сознания и философия языка часто исследуют одни и те же проблемы, но подходят к ним с разных сторон, используют разные методы и разную терминологию. Одним из немногих терминов, одинаково часто употребляемых в обеих областях, является термин «содержание», но едва ли найдутся два философа, одинаково его понимающих. Джон Перри, будучи одновременно философом сознания и философом языка, предпринял решительную попытку прояснить наконец этот во-

прос в своей книге «Знание, возможность и сознание» («Knowledge, Possibility and Consciousness») [1].

Согласно Дж. Перри, содержание есть способ классификации языковых и когнитивных репрезентаций по их условиям истинности (и условиям выполнимости в более общем виде). Чтобы пояснить, как работает этот способ, Перри использует следующую формулу собственного изобретения, которую называет *анализатором содержания* (content analyzer):

(0) Если дано B , φ истинно, если и только если A ,

где φ – репрезентация, имеющая значение истинности; B – некоторые фиксированные *фоновые* (background) условия, при которых оценивается истинность φ ; A – содержание, приписываемое φ , если даны эти фоновые условия [1, р. 125]¹. Иначе говоря, A это условия, которые должны выполняться *дополнительно* (additionally) к условиям B , чтобы φ было истинно. Ясно, что если мы варьируем B , варьируется и A . Как утверждает Перри, полное содержание репрезентации определяется полными условиями ее истинности C такими, что для всех возможных сочетаний A и B в формуле (0) верно, что $A \in C$ и $B \in C$.

Действие анализатора содержания демонстрируется на примере предложения «Убийца Смита безумен». Аналогично различению атрибутивного и референциального употреблений дескрипций, вводимому автором этого примера К. Донелланом, Перри различает два способа прочтения предложения. Первый способ фиксирует в левой части формулы (0) ответы на вопросы о том, на каком языке высказано предложение, каковы семантические и синтаксические правила данного языка, применяемые для интерпретации предложения, а также кто является референтом имени «Смит», и не фиксирует денотат дескрипции «убийца Смита». При таком прочтении в правой части формулы будет стоять условие, чтобы существовал единственный убийца Смита, кем бы он ни был, и чтобы этот человек был безумен. Но предположим, что нам дано, что убийцей Смита является Джонс. Тогда появляется второй способ прочтения, состоящий в том, чтобы ввести новое условие в левую часть формулы (0). При этом в правой части мы, соответственно, будем иметь условие, чтобы безумен был именно Джонс. Ни первый способ, ни вто-

¹ Следует отметить, что в этой работе Дж. Перри не использует слово «фон» для обозначения тех условий, которые принимаются как данность, но оно встречается в других его работах (см., например, [2, р. 200, 210, 266]) и, на наш взгляд, хорошо выражает суть дела.

рой не дают единственно правильного ответа на вопрос о *предметном содержании* (subject matter content) предложения «Убийца Смита безумен», т.е. о том, что данное предложение сообщает о мире. В каждом отдельном случае произнесения предложения решить, какое содержание передается – атрибутивное или референциальное, можно только на основании экстралингвистических фактов. Поэтому правильный ответ состоит в том, что оба этих содержания являются компонентами предметного содержания, что и утверждает Перри.

Существуют также другие способы приписать предложению содержание. Один из них состоит в том, чтобы поставить само индивидулирующее свойство в зависимость от ситуации, в которой произносится предложение. Парадигмальный случай такой зависимости – употребление личных местоимений. Для примера рассмотрим предложение «Я голоден». При одном способе прочтения ситуацию мы задаем изначально, скажем предполагаем, что это предложение произносится Джоном Перри утром 1 января 2017 года. Ясно, что тогда оно будет истинным при условии, что Джон Перри утром 1 января 2017 года голоден. Эти дополнительные условия задают предметное содержание предложения. Но есть способ его прочтения, оставляющий ситуацию не фиксированной. При таком прочтении дополнительные условия будут состоять в том, что человек, произносящий это предложение, голоден в момент произнесения. Содержание, которое задают эти дополнительные условия, называется у Перри *рефлексивным содержанием* (reflexive content). Рефлексивное содержание предложения представляет собой то, что данное предложение сообщает относительно ситуации его произнесения.

Можно было бы возразить, что рассматривать рефлексивное содержание отдельно от предметного содержания не нужно, так как первое сводимо ко второму. Дж. Перри называет эту точку зрения *предположением предметности* (subject matter assumption) и считает, что она неверна [1, р. 68]. Действительно, несводимость рефлексивного содержания проявляется, как только предложение начинает интересовать нас не с точки зрения истинности, а с точки зрения пропозициональных установок и поведения субъекта. Для примера рассмотрим следующую ситуацию. Пусть Смит имеет убеждение, которое выражает предложением «Джонс убийца», и приобрел он это убеждение без личного знакомства с Джонсом. Пусть, далее, однажды Смит лицом к лицу встречается с Джонсом и дружелюбно беседует с ним, не зная, что это и есть Джонс, но в какой-то момент вдруг слышит, как некто окликает его собеседника: «Эй, Джонс!». Вполне естественно ожидать, что поведение Смита по

отношению к собеседнику после этого момента изменится: он начнет проявлять нервозность, постарается поскорее ретироваться или станет незаметно искать подходящее средство самозащиты. Теперь зададимся вопросом: приобрел ли Смит новое убеждение, которое могло бы служить объяснением этих перемен? Очевидно, что если бы Джонс спросил его об этом и если бы Смит пожелал ответить искренне, он сказал бы: «Я приобрел убеждение, что ты – убийца». Проинтерпретировав с использованием анализатора содержания придаточное предложение его высказывания (для краткости обозначим это предложение ψ), получим два варианта:

- (1) Если дано, что ψ есть предложение, в котором местоимение «ты» указывает на Джонса, то ψ истинно, если и только если Джонс убийца;
- (2) Если дано, что ψ есть предложение, в котором местоимение «ты» означает адресата этого предложения, то ψ истинно, если и только если адресат ψ убийца.

При первой интерпретации дополнительные условия выражают предметное содержание предложения ψ . Видно, что оно ничем не отличается от предметного содержания предложения «Джонс убийца», которым Смит выражал свое старое убеждение. Если бы убеждения определялись только предметным содержанием, нельзя было бы сказать, что Смит приобрел новое убеждение и, следовательно, нельзя было бы объяснить перемены в его поведении. Но при второй интерпретации дополнительные условия выражают рефлексивное содержание предложения ψ , и оно не совпадает с рефлексивным содержанием предложения «Джонс убийца». В самом деле, рефлексивное содержание этого последнего описывается условием, чтобы человек, которого говорящий называет Джонсом, был убийцей. Здесь ничего не утверждается об адресате. Таким образом, именно рефлексивное содержание отличает новое убеждение Смита от старого и позволяет объяснить поведение Смита. Более того, оно позволяет предполагать, что кто бы ни произнес искренне: «Ты убийца» – и каков бы ни был адресат, произносящий это с высокой вероятностью будет проявлять нервозность, стараться ретироваться или искать средство самозащиты. Иначе говоря, во многих случаях нам не нужно знать, на какие именно объекты реагирует человек, чтобы объяснить его поведение, достаточно знать, как эти объекты выглядят из его *субъективной перспективы*. При этом обратное неверно: если мы знаем, что это за объекты, но не знаем, как они выглядят для него, то адекватное объяснение поведения у нас не получится. Отсюда можно заключить, что

для целей психологии и семантики пропозициональных установок рефлексивное содержание является более удобным способом классификации языковых и когнитивных репрезентаций, чем предметное содержание².

Аналогичным образом можно проанализировать эффект замены ко-референтных имен в контекстах с пропозициональными установками. Если, к примеру, некто Том искренне утверждает: «Марк Твен остроумен», – рефлексивное содержание убеждения, которое мы должны приписать ему, состоит в том, что свойством быть остроумным обладает человек, которого говорящий, т.е. сам Том, называет Марком Твеном. Ясно, что если бы он сказал: «Сэмюэл Клеменс остроумен», – то выразил бы убеждение с другим рефлексивным содержанием, хотя и с тем же референциальным содержанием. И поскольку поведение зависит от рефлексивного содержания, из высказывания Тома можно заключить, что он имеет склонность говорить: «Я убежден, что Марк Твен остроумен», – но нельзя ничего заключить о его склонности говорить: «Я убежден, что Сэмюэл Клеменс остроумен».

Резюмируя сказанное выше, отметим, что полное содержание языковой или когнитивной репрезентации ϕ может, согласно Дж. Перри, включать в себя

– *Предметное содержание*, которое, в свою очередь, делится на: 1) *атрибутивное содержание*, представимое как пропозиция $\langle P, I^a \rangle$, где I^a – абсолютное индивидулирующее свойство объекта, т.е. такое индивидулирующее свойство, которое определяется без ссылки на саму репрезентацию ϕ ; 2) *референциальное содержание* – пропозицию $\langle P, o \rangle$, где o – уникальный объект, обладающий свойством I или свойством I^a , восстановленный на основании полных условий истинности;

– *Рефлексивное содержание*, представимое как пропозиция $\langle P, I \rangle$, где I – относительное индивидулирующее свойство объекта, т.е. такое индивидулирующее свойство, которое определяется со ссылкой на ϕ .

Ясно, что полное содержание не обязательно исчерпывается предметным и рефлексивным содержанием, поскольку то, какое содержание мы выделяем, зависит только от того, как мы комбинируем фоновые и дополнительные условия истинности. Предметное и рефлексивное содержания представляют собой просто две наиболее очевидные комбинации, но возможны и другие. Для иллюстрации рассмотрим снова пример с Томом и Твеном/Клеменсом. Предположим, что Том – американец

² Подобную идею Дж. Перри впервые высказал в работе [2, р. 65].

начала прошлого века. Однажды на вечеринке Тому сказали, указывая на определенного человека: «Это Марк Твен». Чтобы ответить на вопрос, что нового узнал Том, поверив говорящему, нужно рассмотреть следующие способы интерпретации предложения, которое он услышал (обозначим это предложение χ):

(3) Если дано, что χ есть предложение на русском языке, что в русском языке «это» означает объект, на который указывает говорящий, а имя «Марк Твен» означает Марка Твена и что человек, на которого указывает говорящий в момент произнесения χ , является Марком Твеном, то ψ истинно, если и только если Марк Твен тождествен Марку Твену;

(4) Если дано, что χ есть предложение на русском языке, что в русском языке «это» означает объект, на который указывает говорящий, а имя «Марк Твен» означает Марка Твена, то χ истинно, если и только если человек, на которого указывает говорящий в момент произнесения χ , тождествен Марку Твену;

(5) Если дано, что χ есть предложение на русском языке, что в русском языке «это» означает объект, на который указывает говорящий, и что человек, на которого указывает говорящий в момент произнесения χ , является Марком Твеном, то χ истинно, если и только если в русском языке имя «Марк Твен» означает Марка Твена.

Если дополнительное условие в (3) представляет собой тавтологию, то в (4) и (5) дополнительные условия отнюдь не тавтологичны. При интерпретации (4) дополнительное условие состоит в контингентном факте, что человек, указанный говорящим, и Марк Твен являются одним и тем же лицом, тогда как при интерпретации (5) оно выражает просто языковую конвенцию именованя определенного человека Марком Твеном. Как первое, так и второе условие может быть тем, чего Том до тех пор не знал. Сказанного выше, мы надеемся, уже достаточно, чтобы было ясно, как возможен первый случай: раньше Том мог не идентифицировать перцептивное понятие, полученное при взгляде на указанного человека, с понятием Марка Твена, полученным из других источников (скажем, в результате чтения книг, подписанных именем Марк Твен), или просто не иметь понятия Марка Твена. Тогда в результате сообщения он либо связал между собой два уже имеющих понятия, либо образовал новое понятие на основе соединения восприятия с языковым знаком. Второй случай станет ясным, если предположить, что Том, буду-

чи уже знаком с Марком Твенем, в описанный момент времени изучал русский язык и не знал, как произносится имя этого человека по-русски. Тогда Том связал уже имеющееся у него понятие с новым языковым знаком.

Теперь рассмотрим специально то содержание, которое приписывается убеждению Тома в условии (5). С одной стороны, его вполне правомерно считать рефлексивным содержанием, поскольку оно представляет собой то, что предложение «Это Марк Твен» сообщает о языке, на котором оно произносится, а язык можно назвать частью ситуации произнесения, если понимать ситуацию достаточно широко. Но с другой стороны, язык существенно отличается от остальных характеристик ситуации, например, тем, что нельзя говорить о произнесении одного и того же предложения на разных языках, однако можно говорить о произнесении одного и того же предложения разными людьми, по отношению к разным адресатам и т.д. Поэтому содержание, приписываемое условием (5), с тем же успехом можно выделять в самостоятельный вид содержания. Видимо, вопрос о том, имеем ли мы здесь дело с рефлексивным содержанием, может решаться по-разному в зависимости от наших объяснительных целей.

Интересно, что с помощью концепции рефлексивного содержания можно говорить даже о необходимо истинных высказываниях как о несущих новое знание [1, р. 143]. Допустим, что некий студент только что приобрел убеждение, которое он выражает предложением « $44 = \sqrt{1936}$ » (обозначим это предложение ζ). Что нового он узнал при этом? Ясно, что если мы зафиксируем референты всех терминов, входящих в ζ , то в качестве дополнительных условий получим тавтологию $44 = 44$. Абстрагирование от референтов тоже не поможет, поскольку термины «44», «1936» и « $\sqrt{\quad}$ » являются жесткими десигнаторами. Нет такого возможного мира, в котором выражение « $\sqrt{1936}$ » в стандартной записи указывало бы на что-нибудь кроме 44. Но можно вернуться еще дальше, абстрагируясь от значений или части значений терминов. Это даст некоторую контингентность. Например, абстрагируясь от конвенций, определяющих, какое число обозначается цифрой «4» в определенном десятичном разряде, мы получим что-то вроде

(6) Если дано, что ζ есть математическое предложение в стандартной записи, то ζ истинно, если и только если цифра «4» означает число, которое, будучи прибавлено к результату его умножения на 10, дает квадратный корень из 1936.

Кажется странным говорить, что (6) представляет собой *все* новое знание студента, и мы отнюдь не обязаны так говорить. Мы можем сказать, что он узнал необходимую истину, что $44 = \sqrt{1936}$, и будем правы, поскольку эта истина представляет собой предметное содержание убеждения, которое студент приобрел. Но рефлексивное содержание этого убеждения есть (6), и выше уже было показано, что рефлексивное содержание нельзя рассматривать как простое следствие предметного содержания. Как полагает Дж. Перри, объяснительная сила условий типа (6) проявляется, когда мы думаем о тех жизненных ситуациях, в которых бывает нужно вычислить квадратный корень. Наиболее типичная ситуация состоит в том, что в математическом тесте встречается следующий вопрос:

$$\sqrt{1936} = \underline{\quad} .$$

Ответить на этот вопрос значит написать число. Если наш студент владеет стандартной записью, то он знает, что для того чтобы написать число, которое обозначается цифрой 4, прибавленное к результату его умножения на 10, нужно написать 44. Но для правильного ответа кроме этого знания ему требуется еще убеждение, рефлексивное содержание которого есть (6). Именно такое убеждение представляет собой искомое новое знание студента.

По-видимому, использование концепции рефлексивного содержания позволяет схватить семантическую суть процессов распознавания и идентификации. В психологии теория этих процессов всегда занимала важное место, однако семантики до сих пор уделяли им мало внимания. Между тем ключевой момент в истории Смита – это, строго говоря, даже не момент, когда Смит приобретает убеждение, выражающееся предложением «Ты убийца», а момент, когда он приобретает убеждение, выражающееся предложением «Ты Джонс». С точки зрения предметного содержания значимость этого убеждения вообще нельзя понять, поскольку его предметное содержание представляет собой всего лишь тавтологию Джонс = Джонс. Но его рефлексивное содержание не тавтологично, оно отражает существенный психологический факт, состоящий в том, что Смит начинает идентифицировать своего собеседника с человеком, о котором известно, что его зовут Джонс (предположим для определенности, что Смицу известен только один такой человек). Все остальное является следствием этой идентификации.

Чтобы описать процесс идентификации, Дж. Перри использует метафору [1, р. 120–121]. Он предлагает представить нашу психику в виде здания в три этажа. На первом этаже расположена буферная зона, где находится множество интерфейсов сенсорно-моторного взаимодействия с объектами внешнего мира и кратковременно хранится информация об этих объектах, релятивная к ситуации взаимодействия с ними. Третий этаж занимают долговременные хранилища информации, отвлеченной от ситуаций, в которых эта информация была получена, и организованной в виде файлов, папок, библиотек и т.д. В каждом файле записана информация о каком-либо одном объекте, воспринятом субъектом в прошлом или известном субъекту из косвенных источников. Второй этаж представляет собой глобальный коммутатор между первым и третьим этажами. Появление чего-то нового в перцептивном поле запускает процесс поиска подходящего файла, т.е. файла такого объекта, который с высокой степенью вероятности воспринимался бы именно так. Этот процесс и представляет собой распознавание. Если файл находится, то между ним и активным буфером устанавливается соединение, после чего в файл начинают записываться данные восприятия, а из файла поступает информация для регулирования поведения. В процессе передачи она перерабатывается. Так, если в буфер Смита поступила информация, что на голове у его собеседника коричневая шляпа и он смотрит в сторону, то когда Смит распознает собеседника как Джонса, соответствующий файл пополняется записями «Джонс иногда носит коричневую шляпу» и «при разговоре Джонс иногда смотрит в сторону». И наоборот, если в файле записано «с Джонсом всегда и всем следует быть настороже», то после распознавания Джонса в буфер передается что-то вроде «сейчас мне следует быть настороже».

По мнению Дж. Перри, пока не исследованы процессы распознавания и идентификации, невозможно понять, что собой представляет знание как таковое. Мы храним и передаем знания в отвлеченной форме, но применяем их, находясь всегда в конкретной ситуации. А применимость знания к ситуации определяется тем, успешно ли осуществляется идентификация объекта, о котором имеется отвлеченное знание, с тем объектом, который непосредственно взаимодействует с субъектом в данный момент. Именно поэтому ценность знания для нас зависит в значительной степени от того, насколько богато его рефлексивное содержание. Причина, по которой объяснительная сила рефлексивного содержания до сих пор недооценивалась, состоит, как полагает Перри, в том, что наш мозг и наш язык приспособлены для того, чтобы хра-

нить и передавать информацию об объектах, а не о понятиях, в которых мы эти объекты осмысливаем. Поэтому говоря о *чужих* убеждениях, мы обычно стараемся передать в первую очередь их предметное содержание и часто склонны считать, что замена кореферентных имен и индексикалов не влияет на истинность предложений, приписывающих кому-то определенное знание или убеждение. Вместе с тем у нас имеется сильная интуиция, противостоящая тому, чтобы признавать результат замены истинным. Особенно эта интуиция сильна, когда нам известны существенные факты относительно концептуальной схемы субъекта, например то, что он обладает об одном и том же объекте двумя независимыми понятиями. В примерах, которые конструируют семантики, подобные факты всегда оговариваются заранее. В жизни об этих фактах можно догадаться, если знать, при каких обстоятельствах субъект взаимодействовал с объектом раньше, что слышал о нем или что говорил сам. Так, если бы Смит был реальным человеком, нашим знакомым, мы могли бы предположить, что он не узнает Джонса при встрече, например, на том основании, что мы помним, кто и когда рассказал ему о Джонсе, и что рассказчик не вдавался тогда в описание внешности.

Таким образом, то, что высказывания типа «Ты Джонс», «Это Марк Твен» или « $44 = \sqrt{1936}$ » могут выражать новое знание, является проблемой только при условии, если мы принимаем предположение предметности – предположение, что существует вид знания, который состоит в усмотрении истинности некоторой языковой или когнитивной репрезентации без какой-либо субъективной перспективы или, если использовать удачное выражение Дж. Перри, «взглядом из ниоткуда» [1, р. 166]. Однако у нас нет никаких существенных причин принимать это предположение. На самом деле существование знания, лишённого рефлексивного содержания, крайне сомнительно. Даже если у нас имеется некое сугубо аналитическое знание типа «всякий безумный убийца – убийца», мы все же связываем его с некими понятиями о безумии и убийцах, предназначенными для использования в конкретных жизненных ситуациях и, следовательно, содержащими ссылку на какую-то субъективную перспективу. Конечно, мы можем расширить понятие знания так, чтобы любое аналитическое суждение можно было назвать нашим знанием вне зависимости от того, понятно ли нам, о чем в нем говорится. Но как представляется, подобное расширение нельзя назвать удачным ходом. Скорее наоборот: оно обяжет нас утверждать, например, что дети, едва освоившие правила арифметики, знают все математические теоремы,

которые когда-либо были и будут доказаны. Ясно, что данное утверждение абсурдно и неприемлемо³.

Литература

1. *Perry J.* Knowledge, Possibility and Consciousness. – Cambridge, MA: MIT Press, 2001.
2. *Perry J.* The Problem of the Essential Indexical and Other Essays. – NY, Oxford: Oxford University Press, 1993.

References

1. *Perry J.* (2001). Knowledge, Possibility and Consciousness. – Cambridge, MA: MIT Press,.
2. *Perry J.* (1993). The Problem of the Essential Indexical and Other Essays. – New York & Oxford: Oxford University Press,.

Информация об авторе

Моисеева А.Ю. – м.н.с., Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: ajumo@yandex.ru)

Information about the autor

Moiseeva A.Yu. – the junior scientific worker, the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Science (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia , e-mail: ajumo@yandex.ru).

Дата поступления 09.05.2017

³ Эта проблема под именем проблемы логического всеведения субъекта давно известна в эпистемической логике и теоретико-модельной семантике пропозициональных установок. Сам Дж. Перри в работе [2] намекает, что ее решение возможно в так называемой ситуационной семантике, являющейся модификацией семантики возможных миров Р. Сталнэкера (р. 153). Действительно ли с помощью ситуационной семантики можно ясно и интуитивно адекватно моделировать содержание знаний и убеждений – это вопрос для будущего отдельного исследования.